

Нин Цин, положив чёрный камень на доску, спросил:

— Брат, почему глава секты запер тебя? О том, что Цзин Жуна заперли, знали лишь немногие, и он был одним из них.

— Совершил кое-какие ошибки, — ответил Цзин Жун с беззаботным видом. Партия зашла в тупик, и куда бы он ни поставил свой белый камень, всё было не к месту.

— Из-за того, что самовольно отправил племянника Линъюня вниз с горы для тренировки?

— Можно сказать и так.

Они играли в го и разговаривали, в основном о том, как Мо Линъюнь проходит тренировку. Нин Цин удивился, что Цзин Жун действительно позволил ученику спуститься с горы одному. Цзин Жун, перебирая камни, так и не сказал, что оставил Мо Линъюню бумажную фигурку с разделённой душой. После того, что случилось, и ему, и Мо Линъюню нужно было время, чтобы прийти в себя.

А Мо Линъюнь уже находился за тысячи ли от Секты Сюаньтянь. Кроме синего быка, на котором он ехал, с ним был юноша в нефритовой мантии и бамбуковой шляпе; они вдвоём и бык направились к границе Северных Земель. Фигура того юноши была стройной, и при ближайшем рассмотрении он был на девять десятых похож на Цзин Жуна, но из-за шляпы никто не мог видеть его лица.

Мо Линъюнь вёл быка, напевая неизвестный мотив, и шаг за шагом двигался на юг. Он прикинул, что с помощью брата Быка через два дня сможет покинуть Северные Земли и достичь границы Южных Земель.

— Учитель, садись на быка, я поведу его, пойдём вместе? — спросил Мо Линъюнь, кормя синего быка травой. Юноша в шляпе помолчал, затем ответил:

— Я всего лишь разделённая душа, не устаю. Ты лучше сам садись. Эта бумажная фигурка с разделённой душой сохраняла культивацию Цзин Жуна на уровне Пика Зарождающейся Души и была связана с основным телом через духовное сознание. Если бы сняли шляпу, то обнаружили бы, что он выглядит в точности как Цзин Жун. Цзин Жун не мог спуститься с горы и сопровождать его через тысячи гор, поэтому специально сделал эту бумажную фигурку, которая, как говорили, могла принять за Мо Линъюня одно смертельное ранение.

— Но ты же мой учитель, я не хочу, чтобы ты пострадал, — Мо Линъюнь повернул голову, глядя на него. — И не хочу, чтобы учитель покидал меня.

Цзин Жун говорил, что после того, как замена примет одно смертельное ранение, она рассеется. Хотя она называлась бумажной фигуркой, на самом деле отличием от самого Цзин Жуна была разве что некоторая замедленность реакции. В конце концов, они были единым целым, связанным душами, и Цзин Жун чувствовал каждое движение разделённой души. Мо

Линъюнь любил называть его учителем, готовя еду, подсознательно делал две порции, но слышал от него, что он действительно не может есть.

Что касается причины, по которой «Цзин Жун» носил шляпу, — он был слишком заметен, его узнаваемость была чрезмерно высокой. Если бы другие практикующие ошибочно подумали, что Цзин Жун спустился с горы для путешествия или что в этом мире существует два Цзин Жуна, это создало бы проблемы.

Он сопровождал его через множество безлюдных мест, и когда они достигли пограничного столба между Северными и Южными Землями, их путь преградила река. Мо Линъюнь похлопал синего быка по спине и прошептал:

— Братец Бык, ты проделал долгий путь, возвращайся.

Когда синий бык, виляя хвостом, ушёл, Мо Линъюнь не удержался и пробормотал:

— А не поймают ли братца Быка по дороге как дикого быка и не зажарят ли на говядину?

— ...Нет, — пальцы Даоцзюня, который только что сел в медитацию в далёкой Секте Сюаньтянь, дрогнули, отвечая на глупый вопрос ученика за десять тысяч ли. Ездовые животные, выращенные в их секте, обладают духом, как же их могут поймать обычные люди и сделать жареной говядиной?

— Вот и хорошо, вот и хорошо, — Мо Линъюнь, не зная, что только что говорил с самим Цзин Жуном, всё ещё пытался одолжить у лодочников бамбуковый плот. Но уже темнело, и ни один лодочник не соглашался переправить его через реку.

Мо Линъюнь развёл костёр и некоторое время сидел, глядя на огонь. Цзин Жун рядом с ним тихо составлял ему компанию.

— Может, пожарить рыбу? — пробормотал Мо Линъюнь, не получив ответа от Цзин Жуна. Он внезапно повернул голову и приподнял край шляпы.

— Учитель?

Когда их взгляды встретились, в глазах Цзин Жуна промелькнуло удивление. Он инстинктивно хотел опустить шляпу обратно, но остановился и ответил на слова Мо Линъюня:

— Как хочешь.

Навыки выживания Мо Линъюня в дикой природе были на высшем уровне. Сказав, что хочет жарить рыбу, он быстро нашёл наживку, сделал простую удочку и сел, скрестив ноги, у реки, ожидая, когда рыба клюнет. Цзин Жун рядом смотрел на пляшущее пламя. Хотя он не боялся ни воды, ни огня, но всё же был бумажной фигуркой. Подумав так, он невольно отодвинулся подальше.

Мо Линъюнь взял сухую ветку и помешал тлеющие угли, взглядом остановившись на Цзин Жуне. Сквозь тонкую вуаль шляпы Цзин Жуну почему-то показалось, что их взгляды встретились, разделённые десятью тысячами ли.

Мо Линъюнь спросил его:

— Учитель, завтра, когда я переправлюсь через реку, я окончательно покину пределы Северных Земель. Ты будешь скучать по мне?

— ...Я всегда рядом с тобой, — Цзин Жун приподнял вуаль и поднял глаза на Мо Линъюня. — Эта разделённая душа — это я, я здесь. Линъюнь, не беспокойся.

— Как хорошо, — Мо Линъюнь обнял его, перенес большую часть своего веса на плечи Цзин Жуна. В это короткое мгновение они молчали.

Что касается врождённых разрушенных меридианов Мо Линъюня, Цзин Жун испытывал давление, но и у Мо Линъюня были свои тревоги. Он был тем, кого это касалось напрямую, и первым пострадавшим. Он родился сиротой, один выживал в маленьком городке на юге. За семнадцать лет самостоятельной жизни великие практикующие были для него как легендарные фигуры, недостижимые. Изредка сражаться с пробудившими разум дикими зверями за еду было самым захватывающим в его жизни.

Встреча с Цзин Жуном была похожа на сон на пороге смерти. Демонические волки напали на их деревню, где жили только обычные люди. Мо Линъюнь, молодой и сильный, был загнан стаей демонических волков через несколько горных вершин и начал выдыхаться. Едва заживающие раны снова открылись во время отчаянного бегства.

«Я умру?» — молча спросил себя Мо Линъюнь. Он хотел ещё раз взглянуть на этот ясный мир, и тут увидел того легендарного практикующего — одного, с мечом, словно божество, спустившееся с небес.

Он никогда не мечтал стать практикующим, но не ожидал, что однажды станет учеником первой секты, и не простым учеником, а личным учеником Молодого Главы Секты. Сначала, конечно, были сплетни: говорили, что он уже давно перерос лучший возраст для культивации, и что он недостойн быть учеником уважаемого Даоцзюня Зарождающейся Души. Мо Линъюнь, хоть и был оптимистом по натуре, невольно почувствовал неуверенность.

Цзин Жун был прирождённым лидером и всегда презирал излишние объяснения. Он просто посмотрел на него и сказал:

— Зачем обращать внимание на других? Зови меня учителем.

К счастью, большинство относились к нему дружелюбно, например, дядя Нин и младший дядя Юнь. Он тренировался в Секте Сюаньтянь почти полгода и думал, что все страдания позади, и даже молча сделал день своей первой встречи с Цзин Жуном своим днём рождения.

И вот, погружённый в эту иллюзию, глава Секты Сюаньтянь, его учительский дед, сообщил ему одну хорошую и одну плохую новость. У него был такой же, как у учителя, существующий только в легендах Небесный Духовный Корень, но он был обладателем Тела с врождёнными разрушенными меридианами, и как бы ни был хорош корень, это было бесполезно.

Мо Линъюнь почувствовал тупую боль в сердце, и в горьком отчаянии ему показалось, что такое положение вещей — его истинная жизненная траектория. Жизнь непостоянна, и, возможно, для него вообще не существует дня, когда страдания сменятся радостью.

Но Цзин Жун сказал ему, что он — ученик Цзин Жуна, и что он нужен ему. В тот миг Мо Линъюнь очень хотел заплакать или хотя бы крепко обнять учителя, но не осмелился. Цзин Жун был небожителем, а он? Кем он был? Маленьким вьюном, пытающимся прикоснуться к настоящему дракону.

Бумажная фигурка, созданная Цзин Жуном, была точно такой же, как его основное тело, но на самом деле были различия: например, она была немного медлительнее, в ней было меньше отстранённости, чем в оригинале, и она была нежнее. Только этой ночью Мо Линъюнь осмелился обнять его так. Казалось, вся горечь в его сердце немного рассеялась в этом объятии.

После переправы через реку они попали в пограничную зону Южных Земель. В пограничных зонах всегда есть серые области, где смешиваются разные люди. К счастью, это была граница между Южными и Северными Землями, здесь ходило много практикующих, и местные авторитеты не были слишком наглыми.

Мо Линъюнь с Цзин Жуном нашли гостиницу в этом пограничном городке. Он положил вещи, придвинул стул, сел и, потирая руки, сказал Цзин Жуну:

— Учитель, почему с самого входа в город у меня такое чувство, будто кто-то смотрит мне в спину?

— Кто-то следит за тобой.

— Следит за мной? — Мо Линъюнь выпучил глаза, огляделся и почувствовал, как по коже побежали мурашки. Он тихо спросил Цзин Жуна:

— Где?

Цзин Жун поднял палец, указывая на балку, и спросил:

— Хочешь послушать?

— ...А если подслушивать, нас убьют?

— Всего лишь несколько низкоуровневых странствующих практикующих, не важно.

Получив заверения Цзин Жуна, Мо Линъюнь решительно сказал:

— Слушаем!

А на крыше четыре здоровяка, притаившиеся на балке, тоже обсуждали, стоит ли нападать на этого нового путника Мо Линъюня. Ведь они всегда жили за счёт грабежа проходящих путников. Их главарю было сорок восемь лет, и в начале года он только что достиг Закладки Основания, что придавало им огромную уверенность, и теперь они осмеливались нападать даже на практикующих, которые выглядели не очень сильными. Например, на Мо Линъюня.

— Этот парень выглядит как Закалка Дыхания, можно нападать, — прогудел второй в группе грабителей.

— Но тот, кто рядом с ним, явно не из тех, с кем легко справиться, — подхватил третий.

— Четвёртый, что думаешь? — главарь, единственный из четверых на стадии Закладки Основания, погладил бороду, символизирующую мудрость. — Уровень культивации этого человека непостижим, если он великий практикующий Золотого Ядра, мы наживём себе неприятностей, — четвёртый был худым и маленьким, с хитрыми глазами, и полностью соответствовал образу стратега в такой мелкой группировке.

— Золотое Ядро?! — брови и борода главаря дёрнулись. Самым сильным практикующим в их приграничном городке был тот практикующий Начальной ступени Золотого Ядра, которого прислал охранять Альянс Пути. Только сегодня собрались начать дело, и тут же наткнулись на проходящего практикующего Золотого Ядра?

— Уходим, уходим, не будем грабить, не будем, — четвёро оживлённо обсуждали, и после того, как четвёртый сказал, что возможно там Золотое Ядро, они решительно решили смыться. Поговорив, они собрали снаряжение и, крадучись, покинули балку.

Мо Линъюнь, который чуть не стал жертвой ограбления, но не был ограблен, выслушал всё это и невольно замолчал. Ему казалось, что здесь что-то не так: ведь должны были грабить его, но почему он чувствовал себя пустым местом на протяжении всего разговора?

Он сжал керамическую чашку и постучал ею по неровному столу, тихо спрашивая Цзин Жуна:

— Учитель, я смог бы одолеть их?

— Смог бы.

— Ученик хочет избавить народ от зла, — сказал Мо Линъюнь с праведным видом, и только не хватало, чтобы заиграла музыка.

В ту ночь четырёх вредителей пограничного городка избили до полусмерти, и с плакатами, на

которых было написано «Больше не будем творить зло», их вместе с плакатами повесили на городской стене.

Некий Мо, сделавший доброе дело и не оставивший имени, перед выходом из города ещё раз полюбовался своим творением и спросил Цзин Жуна:

— Учитель, я правильно поступил?

— Озорник, — Цзин Жун не стал ни соглашаться, ни возражать.

<http://bllate.org/book/20174/2009555>